

В обратный путь с надеждой...

Первые значительные миграционные потоки в Сибирь начались после отмены крепостного права, пик же переселений в период до столыпинской аграрной реформы пришелся на вторую половину 90-х гг. XIX — начало XX вв. Но одновременно начался процесс обратного переселения из Сибири. Крестьянам пришлось пережить трудности переезда, понести в связи с этим немалые материальные затраты, приложить много труда для устройства на местах водворения и др. И, казалось бы, после всех этих тягот делом принципа должно быть желание обосноваться на новом месте и создать крепкое хозяйство в Сибири. Но на деле оказывалось, что многие домохозяева просто переоценили свои материальные, физические и моральные возможности. Первыми это почувствовали побывавшие в Сибири ходоки, которые возвращались на родину и очень часто отговаривали от переселения соседей и знакомых. Вслед за ними пожелали вернуться крестьяне, которые уже перевезли в Сибирь семьи и имущество и даже какое-то время там жили. Среди «обратников» выделялось несколько категорий крестьян: мигранты, решившие вернуться на родину еще по пути в Сибирь, т. е. в дороге; переселенцы, отправленные обратно в течение года после прибытия на новые земли; домохозяева, возвращавшиеся после трех и более лет проживания в Сибири.

Объяснения причин возврата обнаруживаются в «Сообщениях по ходатайствам переселенцев об обратном переселении на Родину».¹ Псковские мигранты начального этапа переселения в числе таких причин отмечали: трудность ведения хозяйства в Сибири при большом семействе, ограниченность рабочих рук, суровый климат, сложности приспособления к новым условиям. Рассмотрим причины возвращения по категориям крестьян. Семьи псковских и новгородских мигрантов нередко еще в пути приходили к пониманию, что с переездом они погорячи-

лись. По данным Челябинского переселенческого пункта основными причинами в анкетах по обратному переселению с пути были: неподходящие естественные условия (27,2 % крестьян), недостаток сил и средств (23,3 %), плохая осведомленность о жизни в Сибири. Семьи теряли своих родственников, голодали, выматывались и заболели в дороге. Челябинск был ближайшим пунктом назначения, поэтому люди добирались чаще всего до него, там получали горячую пищу и медицинскую помощь, а дальше отправлялись назад в губернии Европейской России. Отрицательные последствия обратного переселения для этой группы были наименее сложными, т. к. на родине без особых проблем горе-мигранты восстанавливались в своих обществах. Сохранилась докладная Земского начальника 4-го участка Островского уезда Псковской губернии С. Б. Вревского от 14 июля 1898 г., который пишет: «Большинство отдельных семей, обратившись ко мне с просьбами о выдаче им свидетельств на посылку ходоков, послушались меня и оставили мысль о переселении. Но осталось ещё много семей, которые требовали выдачи свидетельств на посылку в Сибирь ходоков от каждой отдельной семьи. Семьи могли буйствовать до тех пор, пока сами на собственном опыте не убедятся, что положение переселенцев в Сибири весьма неприглядно. Я выдал по одному свидетельству на ходока от нескольких семейств. В настоящее время ходоки вернулись из Сибири и, разочаровавшись на месте в привлекательности сибирской жизни, как сами отказались от переселения, так и отговаривают от переселения своих односельчан. Большинство семейств успокоилось, не собирается переселяться и радо, что не тратилось на посылку ходоков».²

Труднее оборачивалось дело для крестьян второй категории, т. е. для тех, кто пробыл в сибирских губерниях более продолжительное время — до года: в отношении их возникали серьезные проблемы материального и межевого характера. Материальные трудности возникали из-за недостатка

Петрова Надежда Владимировна — старший преподаватель кафедры русской истории ПсковГУ.

средств на устройство хозяйства, отсутствия заработка, а также необходимого количества рабочих рук в семье. Кроме того, во многих губерниях Сибири были очень дороги приемные приговоры, о чем мигранты даже не догадывались и не рассчитывали нести большие траты. Были случаи, когда уже выбранный ходок участок оказывался занятым или недоступным в силу изменившихся обстоятельств. В некоторых местностях в результате большого количества переселенцев подготовленных участков не хватало. Пробыв в Сибири некоторое время, и не решив свои проблемы, мигранты вынуждены были возвращаться на родину. Иллюстрацией подобных случаев служат данные о шести семьях новгородских мигрантов, которые прожили в Сибири около шести месяцев, но так и не успели организовать хозяйство.³ Решившись в 1896 г. на обратное переселение, они писали в анкетах, что им «не представилась возможность приобрести рабочий скот, разбить посев и организовать постройки». Во всех таких семьях заниматься тяжелым физическим трудом могли только 1–2 человека, и им ничего не оставалось, как принять решение вернуться. Имеющиеся статистические сведения позволяют выявить положение этих семей на родине, т. е. до переселения. В Новгородской губернии это были крестьяне-общинники, имевшие недвижимого имущества на сумму 290 руб.⁴ Каждая семья выращивала овец и свиней, имела лошадь, но при переселении они вынуждены были продать все имущество. Поэтому по возвращению на родину их ждали большие трудности.

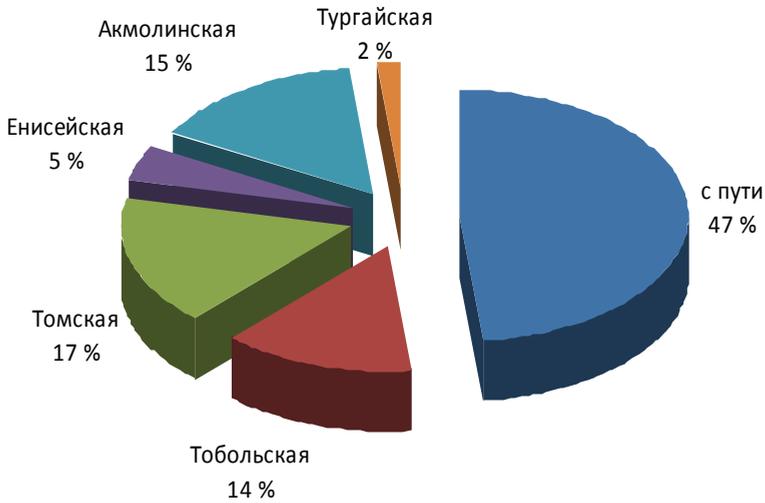
Да и процедура возврата была уже не так проста. Требовалось послать запрос в Переселенческое управление, оно, в свою очередь, обращалось к земским начальникам, те вступали в переговоры с сельским обществом, в котором ранее состоял переселенец. Сельское общество выносило либо положительное решение, либо отказывало, причем решающим было наличие или отсутствие у крестьянина права на надел. Отказ мог последовать в случае, если надел земли, которым пользовался крестьянин до переселения, принадлежал не ему, а кому-либо из его родственников, или же, если крестьянин происходил из другого селения. Такой порядок был

установлен циркуляром Министерства Внутренних дел от 11 сентября 1899 г. В случае возвращения крестьяне должны были выплатить ссуды, но часто возвратившиеся переселенцы оказывались не в состоянии это сделать, т. к. приезжали без всякого имущества. Корреспондент «Вестника Псковского губернского земства» отмечал, что переселенческие страдания стали для крестьян очень поучительными: «По крайней мере, раньше многие крестьяне уходили из деревень, окончательно разделившись с обществами, членами которых числились, распродав свои жилые помещения. Когда же они возвращались, то их надельная земля была уже отдана, и им приходилось покидать родные места. Они уходили в города, где не найдя работы, превращались в нищих. После этого другие крестьяне предпочитали покидать свои общества, не выписываясь из них окончательно, не распродавая свои постройки, а отдавая их на время до возможного прихода своим бездомным односельчанам».⁵

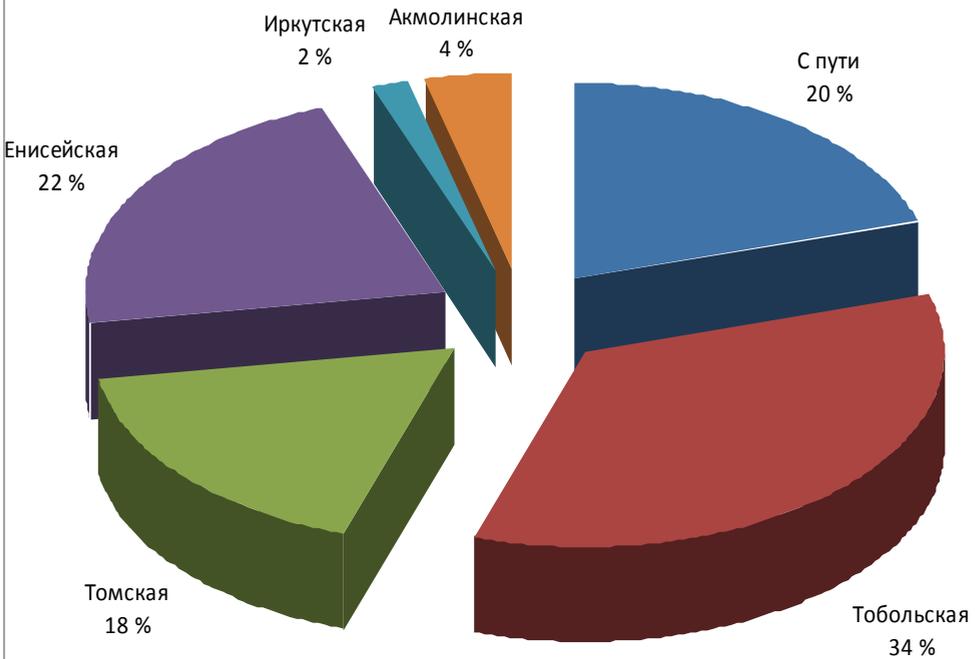
Полное же обнищание крестьян было совершенно невыгодно правительству, и во избежание этого в справочном издании «Сибирское переселение», распространяемом в крестьянской среде, регулярно печатались советы ходокам по организации переселения и зачислению земли. Порядок распространения издания «Сибирское переселение» среди населения страны был установлен циркуляром Министерства внутренних дел от 19 января 1899 г.⁶

Третья категория мигрантов возвращалась на родину вследствие постигшего их разочарования в сибирской жизни, связанного с организацией хозяйства, результатами сельскохозяйственной деятельности и общением с местными жителями. Старожилы отличались от крестьян европейской России отношением к религии и духовной жизни в целом, в переселенцах они видели источник болезней и нищеты, их возмущала трата денег на благотворительные акции в помощь прибывшим. Переселенцы, как это ни кажется странным, оказывались более выносливыми, услужливыми и трудолюбивыми, перед водворением на новое место они интересовались наличием поблизости церкви. Бытовая и религиозная рознь со старожилами нередко

Обратное движение крестьян Псковской губернии 1895–1900 гг.

Обратное движение крестьян Новгородской губернии 1895–1900гг.

выливалась в скрытую борьбу, которая провоцировала обратное переселение. Формы борьбы были самые различные. Например, местные жители предоставляли переселенцам землю в аренду за символическую плату, а потом вдруг требовали гораздо большие суммы за приговор, или же предоставляли орудия труда, но по искусственно завышенным ценам. Конечно, подобные действия старожилов были не единственными причинами ухода прибывших в Сибирь. Немалую роль играли и климатические условия. Не случайно псковские и новгородские мигранты среди причин, вынудивших их вернуться на родину, называли: суровый климат, недостаток воды, отсутствие строевого леса, болотистую местность, частые эпидемии, наличие большого количества мошкеры, позднюю весну и уборку хлеба, трудности с вызреванием зерна, частые неурожаи.

Теперь обратимся к статистике и проанализируем численный состав обратного переселения по северо-западным губерниям. Оно приняло значительные размеры в период с 1895 по 1905 гг.: в течение этого десятилетия по общим данным из Сибири вернулось 184 837 чел. При этом только 8,8 % приняли решение о возврате непосредственно в пути, все остальные какое-то время все же проживали на территории сибирских губерний. География обратного переселения и процентное соотношение мигрантов в течении двух периодов иллюстрируют диаграммы. Первая из них показывает обратно пропорциональную зависимость между временем водворения основных миграционных потоков и организацией обратного движения. Так, первыми начали заселяться Тобольская, Томская

и Енисейская губернии, поэтому и процесс масштабного обратного переселения здесь начался раньше, чем в Иркутской и Оренбургской губерниях, где недавно прибывшие домохозяева обосновываться только начинали. Для крестьян европейских северо-западных губерний «обратничество» оказалось мало характерным и отличалось небольшими размерами. Псковские и новгородские переселенцы чаще всего решали вернуться на родину на этапе следования в Сибирь. В обратный путь они отправлялись в Челябинске, и большинство их без особого труда восстанавливались в своих обществах. Но целая категория крестьян все же пыталась не упустить свой шанс, боролась, как могла, за место на «земле обетованной», и, несмотря на трудности, проживала в Сибири до года и даже больше. Чтобы сравнить масштабы обратного переселения крестьян Новгородской и Псковской губерний в течение 1895–1900 гг., необходимо обратиться к диаграммам.⁷

Значительный миграционный поток псковских крестьян поступал в Енисейскую губернию, а вот обратное переселение из нее по сравнению с другими территориями было относительно малым, из чего следует, что псковичи приспособились к тамошним условиям и сумели создать крепкие хозяйства.

Новгородские мигранты, наоборот, не оценили условий проживания в Томской и Тобольской губерниях, куда так активно переселялись на протяжении второй половины XIX в. Большинство из них не смогло продержаться на закрепленных участках и года, поэтому общие масштабы миграции из Новгородской губернии более скромны по сравнению с переселениями псковских крестьян.

Примечания

¹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 3. Д. 143. Л. 13–14.

² ГАПО. Ф. 78. Оп. 2. Д. 2. Л. 37–37 об.

³ Цифровой материал для изучения переселения в Сибирь. Часть I. 1896 год. М., 1899. С. 380–381.

⁴ Там же. С. 384–385.

⁵ Вестник Псковского губернского земства. 1891. № 3. С. 52.

⁶ ГАПО. Ф. 78. Оп. 3. Д. 83. Л. 13

⁷ Диаграммы составлены на основе данных: Цифровой материал для изучения переселения в Сибирь. 1898 год. М., 1904. С. 236–237, 264–265; Сибирское переселение. Сборник цифровых материалов для изучения крестьянских переселений. Выпуск первый. М., 1905. С. 74–75